

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-25

Будаева Цындыма Львовна

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
budaeva_21@mail.ru

Аппликация психолингвистической модели перевода значимости в ситуации с паремиями (на примере бурятско-английских корреляций)

Для цитирования: Будаева Ц.Л. Аппликация психолингвистической модели перевода значимости в ситуации с паремиями (на примере бурятско-английских корреляций). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (2): 160–171.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.201>

В статье исследуется применимость психолингвистической модели перевода значимости, разработанной Дашинимаевой П.П., в случае перевода паремических единиц. В частности, проводится детальный анализ рассматриваемой модели, в основу которой положен постулат о раздельности и несимметричности мыслительного и речевого этапов языка/речи. Модель развертывает второй этап переводческого акта — декодирования значимости исходного текста, в рамках которого происходит формирование трех рецептивных версий — естественной версии значимости-Я, искусственной версии значимости-1 (адресанта) и версии значимости-2 (адресата). Автор применяет данную модель в переводе паремических фразеологизмов, относящихся в переводоведении к категории труднопереводимых ввиду их расхождения как по концептуальному содержанию, так и по степени экспликации прескриптивного потенциала. В качестве примеров для анализа отобраны бурятско-английские корреляции. На первом подэтапе декодирования происходит формирование естественной версии значимости-Я, т.е. при восприятии пословицы в сознании автора/переводчика возникают произвольные ассоциации и образы, исходящие из его личного опыта. На следующем подэтапе автор «подавляет» возникшие в окне сознания образы и производит экспликацию исходной значимости от имени отправителя. На последнем подэтапе декодирования автор производит прагматическую адаптацию искусственной версии значимости-1 (адресанта) под версию адресата, спрогнозировав коммуникативный эффект. Для передачи выявленного прескриптивного потенциала бурятской паремии на английский язык автор проводит поиск коррелятов, способных оказать схожее воздействие на ан-

глюязычного получателя. На основе сравнительного анализа «эксплуатируемых» в бурятско-английских коррелятах образов и способов описания ситуации автор выбирает вариант, в наибольшей степени совпадающий с исходной поговоркой как по прескриптивному смыслу, так и по метафоричности образов, с учетом функциональных потерь. В заключение приводится ряд аргументов, иллюстрирующих резонанс использования предложенной модели в переводе паремических фразеологизмов.

Ключевые слова: психолингвистическая модель перевода значимости, бурятско-английские корреляции, паремия, прескрипция.

Психолингвистические исследования в области переводоведения в настоящий момент приобретают все большую актуальность, поскольку психолингвистика, будучи наукой о порождении и восприятии речи, тесно переплетается с теорией перевода, объектом которой является перевод — особый вид речевой деятельности. С точки зрения отечественного психолингвиста А. А. Леонтьева, задача психолингвистики заключается в комплексном осмыслении ряда практических задач, поддающихся интерпретации в рамках чисто лингвистического подхода, связанного с анализом текста, а не говорящего человека [Леонтьев 2000]. В. В. Сдобников на этот счет пишет, что «перевод в своей самой сокровенной части — это психологический процесс. Психологическую природу имеют три его стадии: понимание исходного текста, “отмысливание” от форм исходного языка и продуцирование текста перевода. Следовательно, выявление психологической основы перевода является необходимой предпосылкой для познания его сущности» [Сдобников 2006: 79]. Как утверждают М. Шлезингер и П. Тагард, задача психолингвистического подхода к переводу состоит в описании ментальных процессов, протекающих в коре головного мозга у переводчика в момент осуществления перевода, и объяснении того или иного переводческого выбора [Shlesinger 2000, Thagard 2005]. Таким образом, в рамках психолингвистического подхода перевод можно рассматривать как особый речемыслительный процесс, состоящий из многоэтапных мыслительных операций.

Для подробного описания этапов переводческого процесса в теории перевода предлагается ряд психолингвистических моделей. Основное достоинство последних, по мнению А. Г. Минченкова, заключается в представлении процесса перевода в виде речемыслительного процесса, «когда в результате активного осмысления переводчиком исходного текста в его сознании формируется определенная структура смыслов, которая затем вербализуется в виде текста перевода»¹. Также в пользу психолингвистического подхода выступает В. Н. Комиссаров, утверждая, что теоретическая модель перевода должна приближаться к описанию психических процессов, обеспечивающих реальные действия переводчика [Комиссаров 1990].

Так, в современной теории перевода попытку описать переводческий процесс прежде всего как процесс восприятия и порождения речи предпринимают такие ученые, как А. А. Леонтьев, И. А. Зимняя, Ю. А. Сорокин, О. В. Казакова, А. Н. Крюков, В. И. Хайруллин, Н. Л. Галеева, В. И. Ермолович, И. Э. Клюканов, А. Г. Минченков, Л. В. Кушнина, Н. М. Нестерова, В. М. Жигалина. При этом их описания ментального этапа переводческого процесса не носят универсальный или близкий друг к другу характер.

¹ Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2008. 43 с.

Начнем обзор психолингвистических моделей с программы перевода А. А. Леонтьева, которая включает несколько стадий: 1) мотив, побуждающий к действию; 2) цель, которую человек стремится достичь для удовлетворения мотива с помощью речевого произведения; 3) внутреннюю программу будущего высказывания (свернутое содержание оригинала); 4) высказывание во внутренней речи; 5) вербализацию высказывания в устной/письменной речи [Леонтьев 2005]. Как видим, программа больше подходит для описания речемыслительных действий в одноязычной коммуникации, нежели в триаде переводческого процесса.

Ю. А. Сорокин считает, что самой важной частью интерпретации в переводческом процессе является обнаружение психотипа адресанта: по его мнению, успешность межкультурной коммуникации зависит от совпадения психотипов отправителя и переводчика [Сорокин 2000]. Следовательно, прежде всего от переводчика требуется понять внутренний мир автора, затем соотнести его со своими образами для вскрытия разницы в способах восприятия мира. Ученый предлагает следующий алгоритм действий по интерпретации смысла:

Вы формируете цель: ближайшую и дальнюю — для слова и высказывания (цель «б») и для всего текста (цель «д»). Решаете, что делать с фактами и событиями (передавать или имитировать), учитывая, кому и какому времени принадлежит текст, что в нем «непостижимо» (далеко) и что вполне понятно (близко), «конструируете» перевод, балансируя между двумя «провалами» — метаболами, между метаболически привычным и экзотичным (по характеру и мировидению)².

В модели А. Г. Минченкова доминирующим признаком процесса перевода является его неподвергаемость строгим лексическим и структурным стандартам, алгоритмизациям³, поскольку средства языка перевода не соотносятся напрямую с единицами исходного текста (далее ИТ). В этом случае отправной точкой формирования смысла оказывается значение концепта-понятия, и, соответственно, сам процесс перевода начинается с обнаружения контекстуально релевантного концепта.

В концепции когнитивной транслатологии Т. А. Фесенко алгоритм ментальных переводческих операций выглядит следующим образом. На первом этапе происходит неконтролируемая обработка ИТ с участием схем и фреймов. Затем на основе интуитивных суждений и ассоциаций определяются координаты перевода. На следующем этапе формируется конечный текст как новая интегральная структура в «совмещенном ментальном пространстве». Как поясняет автор, данное пространство представляет собой участки пересечения индивидуальных ментальных сфер, благодаря которым у переводчика появляются зоны понимания [Фесенко 2002: 129].

Рассмотрим модель, разработанную П. П. Дашинимаевой и получившую название психолингвистической модели перевода значимости (далее ПЛМПЗ). В основе данной модели лежит убеждение в том, что «говорящий объективирует во внешней речи актуальную в момент говорения или письма значимость, которая не всегда

² По: Дашинимаева П. П. Теория перевода: психолингвистический подход. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. 360 с.

³ Минченков А. Г. Указ. соч.

напрямую вызвана обстоятельствами внешнего мира (референтами), а может быть следствием когнитивных операций субъекта»⁴.

Термин *значимость* определяется автором модели как «нечто значимое из мыслительного этапа естественного семиозиса — то, что частично подвергнется вербализации»⁵. Так, понятия *значение* и *значимость* разграничиваются: автор приписывает им противоположные свойства: *значение* как лексикографическое толкование характеризуется статичностью, семантической прозрачностью и связанностью, а *значимость* — динамичностью, неуловимостью и несвязанностью. Иначе говоря, *значимость* представляет собой некую психическую сущность, «переживаемую индивидуумом в той или иной коммуникативной ситуации, которая не обязательно завершается речью и которая не обязательно происходит с участием другого»⁶.

Итак, согласно ПЛМПЗ, один переводческий акт включает три изолированных этапа: «1. первичное восприятие ИТ → [2. декодирование значимости ИТ] → 3. представление спрогнозированной значимости в знаках ПЯ»⁷. Как объясняет автор, на втором этапе происходит формирование трех рецептивных версий значимости — естественной значимости-Я, «искусственной» версии значимости-1 (адресанта) и версии значимости-2 (адресата). Другими словами, декодирование значимости ИТ осуществляется сначала неосознанно на основе собственных сенсорно-модально-аффективных аксиологических параметров. Затем происходит прагматическая адаптация естественной рецептивной версии значимости к версии адресанта, т. е. экспликация исходной значимости от имени отправителя: поскольку происходит подавление собственной эго-значимости, постольку вторая версия называется «искусственной». И, наконец, осуществляется прагматическая адаптация второй версии значимости ИТ под версию адресата, т. е. прогнозирование воздействия, которое окажет донесение на получателя целевой культуры.

Согласно ПЛМПЗ, переводчик должен «подавлять свою Я-интерпретацию и примеривать “личину” Адресанта и Адресата путем приблизительного прогнозирования их внутреннего мира, помыслов и намерений»⁸. Однако, как утверждает автор, достижение тождественности исходной и рецептивной значимости априори невозможно ввиду несоответствия:

- 1) систем, норм и узусов ИЯ и ПЯ;
- 2) психонейрофизиологических принципов порождения и восприятия речи.

Основанием применимости данной модели в переводе паремической фразеологии является то, что модель разворачивает и «масштабирует» самый сложный этап переводческого процесса — этап декодирования значимости ИТ — и, в отличие от представленных выше концепций, предлагает более подробное пошаговое описание выполнения данного этапа.

⁴ Дашинаева П. П. Указ. соч. С. 161.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Дашинаева П. П. Психолингвистическая модель перевода значимости. Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2017 (4): 188.

⁸ Там же. С. 192.

В целом проблема перевода фразеологизмов достаточно освещается в работах многих современных лингвистов-переводоведов [Швейцер 1988, Комиссаров 2002, Гарбовский 2004, Gaia 2006, Leivada, Grohmann 2014, Jaskot 2016]. Новозеландский практикующий переводчик Б. Гая связывает трудности перевода устойчивых выражений с обычным недостатком знаний у переводчика в этой области. Для решения данной проблемы он предлагает переводить различные статьи из газет и журналов на родной язык, одновременно составляя свой собственный глоссарий идиоматических выражений. Также автор анализирует случаи неверного употребления тех или иных устойчивых выражений в различных коммуникативных ситуациях, которые часто ведут к изменению их первоначального значения [Gaia 2006].

По мнению польского лингвиста М. Яскота, перевод фразеологических единиц представляет собой не что иное, как перевод культурем. В общем смысле понятие *культурема* определяется как комплексная, устойчивая, постоянно воспроизводимая в определенном этнолингвистическом социуме структура, которая объединяет в себе богатый социальный и исторический опыт и отражает ценностные ориентиры данного общества. При переводе фразеологизмов автор советует прежде всего сохранить семантическую структуру, коннотативно-прагматический компонент и идиоматическое значение исходной единицы [Jaskot 2016].

Испанский лингвист С. Плаца в своей работе исследует проблему перевода фразеологизмов, используя функциональный и когнитивный подходы. Она составляет список наиболее распространенных пословиц в английском и испанском языках (*паремнологический минимум*). Затем, сравнив полученные данные, автор выводит точки соприкосновения и расхождения в обоих языках. На основе результатов своего исследования автор делает вывод о том, что в современных двуязычных словарях указанные фразеологические единицы трактуются в основном неверно⁹.

Ключевой причиной, ведущей к неверности подобранных фразеологических эквивалентов, по нашему мнению, является разница в этноориентированных ценностях, которые определяют способы и ориентиры познания и мышления представителей двух культур [Дашинимаева, Жанаев 2014]. В пословицах ценности актуализируют прескриптивный смысл, т. е. исходную значимость, которую переводчик должен декодировать. В этом смысле модель П. П. Дашинимаевой нам представляется наиболее релевантной и эффективной для решения данной задачи.

В качестве материала для анализа возьмем пословицу, отражающую в определенной степени особенности мировосприятия традиционных бурят: «Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагуй» (досл.: Упустишь рысака — поймашь, упустишь рот — не поймашь). Согласно психолингвистической модели П. П. Дашинимаевой, на первом подэтапе декодирования значимости ИТ сначала формируется естественная версия значимости-Я. При перцепции указанного слова у переводчика сначала произвольно возникают ассоциации и образы, исходящие из его личного опыта наблюдения за ретивым конем. В сознании могут всплыть разъяренные глаза коня, возмущенное ржание, испуганные и разочарованные глаза мальчика, наблюдавшего за отцом, сброшенного строптивым конем, рвущимся на свободу. Тут же вторая часть паремии может вызвать в сознании русскую пословицу «Слово не воробей, вылетит — не поймашь». Заметим, обе паремии выражают схожее зна-

⁹ URL: <https://www.ucj.edu/wp-content/uploads/8.Silvia-Molina-Plaza.pdf> (дата обращения: 12.10.2018).

чение, которое сводится к следующему: сказанное слово нельзя вернуть, в отличие от строптивного коня и свободолюбивого воробья, попадающих все-таки в неволю. Использование в бурятской пословице лексемы *ама* ('рот') вместо более нейтрального и общепринятого *үгэ* ('слово') вызвано желанием осудить такие качества, как болтливость и несдержанность.

Однако вспомним, что в рассматриваемой модели на втором подэтапе декодирования значимости предлагается «подавить» естественную версию значимости-Я и произвести экспликацию исходной значимости от имени отправителя. В этом смысле нам следует «подавить», во-первых, все образы и ассоциации, связанные с личным опытом, которые, возможно, вступают в противоречие с общекультурными символами, во-вторых, «лишние» образы, вызванные русским коррелятом и уводящие в неправильное русло интерпретации исходной прескрипции (ведь перевод осуществляется на английский язык!).

Следующим шагом является идентификация дидактической ценности паремии с точки зрения стереотипизированных культурных ориентиров. Так, здесь учитываем, что характерная коммуникативная черта бурят — это сдержанность и молчаливость. По словам Т.Ц. Дугаровой, эта особенность служит признаком высококонтекстной культуры, где невербальное поведение оказывается более значимым, чем вербальное¹⁰. Как утверждает Т.Г. Стефаненко, «в высококонтекстных культурах при передаче информации люди склонны в большей мере обращать внимание на контекст сообщения, на то, с кем и в какой ситуации происходит общение» [Стефаненко 2007: 164]. Напомним, что американский антрополог Э. Холл к основным признакам высококонтекстной культуры относит невыраженную, скрытую манеру речи, многозначительные паузы, огромную роль невербального общения, отсутствие избыточности информации, стремление избежать конфликта, соответственно, для представителей этих культур неприемлемо открытое выражение недовольства, возражение и выяснение отношений [Hall 1976]. В этом смысле, действительно, наступление молчания у бурят в процессе общения несет высокозначимую информацию и выполняет разные функции — протест, несогласие, самозащиту, уход в себя, а также заботу, поддержку, сопереживание [Дугарова 2010а].

Характерная для бурятского менталитета сдержанность также связана с таким важным явлением в бурятской культуре, как *ёно заншал* — своеобразный этикет, установленный порядок поведения, который выражается в уважительном отношении людей друг другу, доброжелательности, духовном единстве с природой, почитании старших, сохранении родного очага¹¹.

Это черты традиционной бурятской ментальности в целом, наша же задача заключается в релятивизации этой идеи, для чего мы сопоставляем метафоры «удержание строптивного скакуна в узде» и «удержание слова за зубами» относительно друг друга, определяя вклад каждой части в формирование совокупного назидания. В результате выводим мораль исходной пословицы: чтобы не упустить строптивного скакуна, нужно держать его в узде; чтобы не упустить слово и тем самым не показаться грубым и невоспитанным, нужно держать язык за зубами.

¹⁰ Дугарова Т.Ц. Глобальные вызовы: Этническое самосознание бурят. М.: Прометей, 2010. 160 с.

¹¹ Дугарова Т.Ц. Особенности этнического самосознания бурят. Развитие личности. 2010 (1): 225–238.

Таким образом, исходя из представлений о традиционном буряте, характеризующемся такими чертами, как молчаливость, сдержанность и степенность, выявляем *дидактическую функцию* рассматриваемой пословицы следующим образом: лучше хранить молчание, чтобы не создать впечатления бестактного и невоспитанного человека, поскольку сказанное не к месту слово невозможно вернуть, в отличие от упущенного скакуна, которого можно поймать. В подобном свете интерпретация смысла бурятской пословицы коррелирует в большей степени с русской пословицей *Молчание — золото*, нежели с пословицей *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*.

Следующий шаг, описанный в ПЛМПЗ, заключается в прагматической адаптации искусственной версии значимости-1 (адресанта) под версию адресата, т. е. в прогнозировании коммуникативного эффекта. Для передачи вышеизложенной морали пословицы нам необходимо подобрать такой коррелят, который способен оказать схожее воздействие на англоязычного получателя. Напомним, что достижение тождественного коммуникативного эффекта, по словам автора модели, невозможно, поскольку переводчик не может вызвать у получателя те же самые ассоциации и образы, которые возникают у отправителя, употребляющего данную пословицу в конкретном контексте. Тем не менее от переводчика требуется попытаться спрогнозировать версию значимости-2 под адресата, иными словами, представить, каким образом воспринимает среднестатистический англичанин ситуацию «степени молчаливости/говорливости».

Если исходить из теории Э. Холла [Hall 1976], то Великобританию также можно отнести к числу высококонтекстных культур, в которых преобладают невербальное общение, скрытая манера речи, импликации, намеки. Не будет ошибкой утверждать, что перечисленные признаки наиболее рельефно отражаются в таком свойстве англичан, как стремление к недосказанности/недоговоренности. Данное явление находит свое отражение в английском понятии *understatement* (досл.: языковая сдержанность, недоговоренность, сдержанное высказывание) и, по словам А. А. Джигоевой, пронизывает весь английский язык, начиная от лексики и заканчивая интонационным оформлением высказывания (напр., *I don't think you are right* означает *I think you are wrong*)¹².

Любопытны также исследования, проведенные британским социальным антропологом Кейт Фокс. В своей книге “*Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*” (2004) автор описывает результаты эксперимента, указывающие на то, как ведут себя англичане в разных коммуникативных ситуациях. Отметим, что благодаря методу включенного наблюдения умозаключения и идеи книги обладают высокой доказательной силой. В рамках заданной нами проблемы интересно, насколько преобладают в поведении англичан сдержанность, вежливость, скромность и даже лицемерие.

Первый пример, который приводит К. Фокс в своей книге, связан с особым поведением англичан в общественном транспорте. Принято считать, что англичане крайне неприветливы, замкнуты и необщительны с иностранцами, что создает не самое приятное впечатление о них. Однако автор утверждает, что подобного рода

¹² Джигоева А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт “Understatement”. Английский язык в школе. 2006 (3): 10–15.

сдержанность — это некая форма учтивости, так называемая отрицательная вежливость. Она объясняет такое поведение англичан следующим образом:

...то, что на первый взгляд кажется недружелюбием, на самом деле является своего рода предупредительностью: мы судим о других по себе и считаем, что все разделяют нашу острую потребность в уединении. Поэтому мы не лезем в чужие дела и вежливо игнорируем других (перевод мой. — Ц. Б.) [Fox 2004: 56].

Вышесказанное дает основание полагать, что англичане, равно как и буряты, отдают явное предпочтение молчаливости и сдержанности, нежели говорливости и празднословью, что, несомненно, в значительной степени сокращает дистанцию между культурой-1 и культурой-2 в плане понимания концептуальных ориентиров.

Итак, следуя принципам рассматриваемой модели, мы осуществляем поиск английской пословицы с подобной дидактической функцией. В результате обнаруживаем, что бурятской пословице в английском языке могут соответствовать следующие корреляты: “No wisdom like silence”, “Speech is silver, but silence is golden”, “A shut mouth catches no flies”. Все три пословицы, как мы видим, выражают схожее значение, которое заключается в преимуществе сохранения молчания в любой ситуации, однако отличаются степенью радикальности выражения данного значения, так как в подобранных коррелятах используются совершенно разные способы и образы для передачи описанного прескриптивного смысла.

В пословице “No wisdom like silence” (досл.: Нет ничего мудрее молчания) молчание отождествляется с мудростью и здравомыслием. В отличие от остальных подобранных пословиц данный коррелят не обладает признаком категоричности и выражает лишь желательность подобного поведения. Другими словами, пословица не обязывает, а скорее рекомендует сохранять в определенных ситуациях молчание. Таким образом, пословицу можно интерпретировать следующим образом: люди, умеющие хранить молчание в нужный момент, зачастую считаются рассудительными и мудрыми¹³.

Следующий вариант “Speech is silver, but silence is golden” (досл.: Слово — серебро, а молчание — золото) отличается большей степенью радикальности, поскольку в пословице наблюдается противопоставление сказанного слова молчанию, где последнее, будучи приравненным к золоту — символу материальных ценностей, «выигрывает» в жизненных ситуациях по всем признакам. В словаре Oxford Reference находим следующее значение пословицы: «сдержанность часто ценится больше, чем красноречивые слова»¹⁴.

И, наконец, последний коррелят “A shut mouth catches no flies” (досл.: В закрытый рот муха не залетит) выражает наибольшую долю категоричности и радикальности, что связано с употреблением неформального выражения *a shut mouth* (формальный вариант — *a closed mouth*). В словаре The Free Dictionary данной паремии приписывается следующий прескриптивный смысл: «лучше держать язык за

¹³ URL: <https://www.native-english.ru/proverbs/no-wisdom-like-silence> (дата обращения: 02.01.2018).

¹⁴ URL: <http://www.oxfordreference.com/search?q=speech+is+silver+but+silence+is+golden+&searchBtn=Search&isQuickSearch> (дата обращения: 30.09.2018).

зубами (молчать), чем попусту болтать (говорить неуместные вещи)»¹⁵. Подобная трактовка в значительной мере соответствует исходному прескриптивному смыслу, заложенному в бурятской пословице.

В свете сказанного из всех рассмотренных коррелятов последний в наибольшей степени соответствует бурятской пословице как в концептуально-семантическом, так и в стилистическом плане. Во-первых, английский коррелят выражает наиболее близкий к исходному прескриптивный смысл. Во-вторых, в обоих случаях наблюдается использование таких неформальных выражений, как *a shut mouth* и *ама алдабал*, что придает пословицам экспрессивную окраску. Попутно заметим, что в обоих коррелятах прослеживается метафоричность, которая достигается за счет «эксплуатации» образов живых существ — коня-самца и мухи (в варианте “No wisdom like silence” отсутствует образная метафора, во втором корреляте “Speech is silver, but silence is golden” в качестве образов служат неодушевленные предметы — серебро и золото). Следует отметить, что, по мнению ряда теоретиков перевода, сохранение стилистической окраски и образности в ПТ является весьма значимым, хотя и необязательным условием перевода. В рамках терминологии В. Н. Комиссарова такой набор признаков, упоминаемых в высказывании, называется *способом описания ситуации*. По мнению автора концепции, в каждом языке существуют свои предпочтительные способы указания на ситуацию, и, следовательно, переводчик должен уметь вычленять ситуации и описать их в доступной форме для реципиента, по возможности сохраняя исходный способ описания ситуации [Комиссаров 2002]. Однако, как в любой фразеологической единице, в паремии трудно подобрать сходный способ прежде всего ввиду того, что требуется искать коррелят в списке готовых единиц, а не самостоятельно формулировать версию перевода.

Наши наблюдения указывают на то, что те потери, которые возникают в случаях перевода паремий, в большей степени являются как раз результатом несовпадения способов описания ситуации. Другим фактором, приводящим к функциональным потерям, является асимметрия фонологического компонента. Это значит, что в нашем случае не удастся передать ту особую звуковую и интонационную выразительность исходной пословицы, которая достигается за счет такого стилистического приема, как ассонанс, т. е. повторения однородных гласных в начале слов («Агта алдабал баригдаха, ама алдабал баригдахагуй»). Подчеркнем, что частое использование приемов ассонанса и аллитерации является композиционной характеристикой бурятских текстов, особенно художественных.

Таким образом, авторская психолингвистическая модель перевода значимости П. П. Дашинимаевой не только позволяет достаточно развернуто описать те речемыслительные операции, которые выполняет переводчик в процессе перевода ИТ, но и в значительной степени у т о н ч а е т, «масштабирует» ментальный этап интерпретации исходного смысла в переводе. В работе с паремиями модель выступает в качестве полноценного алгоритма и способствует разрешению трудностей, вызванных различием концептуальных картин мира отправителя и получателя: абстрагирование от личностных восприятий и декодирование исходной значимости (= прескриптивного потенциала) должны смениться этапом прогнозирования

¹⁵ URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/a+shut+mouth+catches+no+flies> (дата обращения: 02.01.2018).

усредненной точки зрения о культурных и концептуальных ориентирах познания и мышления народа-1, затем народа-2 в вопросе морали, заданной в ИТ. В итоге переводчик находит не первый коррелят, имеющий близкое с исходной поговоркой значение, а выбирает версию из множества, которая «дышит» той средой, в которой живет представитель культуры-1 и культуры-2.

Источники

- Леонтьев 2000 — Леонтьев А. А. Психоллингвистика. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 2000. С. 404–405.
- NativeEnglish — *Native English*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.native-english.ru/proverbs/no-wisdom-like-silence> (дата обращения: 02.01.2018).
- The Free Dictionary — *The Free Dictionary by Farlex*. [Электронный ресурс]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/a+shut+mouth+catches+no+flies> (дата обращения: 02.01.2018).
- The Oxford Dictionary — *The Oxford Dictionary of Phrase and Fable*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxfordreference.com/search?q=speech+is+silver+but+silence+is+golden+%amp;searchBtn=Search&isQuickSearch=true> (дата обращения: 30.09.2018).

Литература

- Гарбовский 2004 — Гарбовский Н. К. *Теория перевода*. М.: Московский государственный университет, 2004. 544 с.
- Дашинимаева, Жанаев 2014 — Дашинимаева П. П., Жанаев А. Т. *Синтез теории и практики перевода. Пословицы в бурятском, русском и английском языках*. Учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. 73 с.
- Комиссаров 1990 — Комиссаров В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Комиссаров 2002 — Комиссаров В. Н. *Современное переводоведение*. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- Леонтьев 2005 — Леонтьев А. А. *Основы психоллингвистики*. Учебник для вузов. М.: Смысл; Академия, 2005. 288 с.
- Сорокин 2000 — Сорокин Ю. А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? В кн.: *Языковое сознание и образ мира*. Уфимцева Н. В. (ред.). М.: Институт языкознания РАН, 2000. [Электронное издание]. URL: <http://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000> (дата обращения: 10.10.2018).
- Стефаненко 2007 — Стефаненко Т. Г. *Этнопсихология*. М.: Аспект Пресс, 2007. 368 с.
- Фесенко 2002 — Фесенко Т. А. *Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода*. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 228 с.
- Швейцер 1988 — Швейцер А. Д. *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Fox 2004 — Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.
- Gaia 2006 — Gaia B. *Translating Idioms and Buzzwords*. *ProZ.com Translation Article Knowledgebase*. [Электронный ресурс]. 2006. URL = <https://www.proz.com/translation-articles/articles/743/> (дата обращения: 11.10.2018).
- Hall 1976 — Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Anchor Press, 1976. 256 p.
- Jaskot 2016 — Jaskot M. P. Equivalent Culture-Anchored Units Translation? The Phraseological Units Issue. *Cognitive Studies*. 2016: 57–64.
- Leivada, Grohmann 2014 — Leivada E., Grohmann K. Clitics in Idioms: Properties of Morphosyntax and Reference. *Lingua*. 2014: 45–70.
- Plaza — Plaza S. M. English & Spanish Phraseology: A Translation and Lexicographic Perspective. *Verbeia. Journal of English and Spanish studies*, 0: 119–138. URL: <https://www.ucj.c.edu/wp-content/uploads/8.Silvia-Molina-Plaza.pdf> (дата обращения: 12.10.2018).

- Shlesinger 2000 — Shlesinger M. Interpreting as a Cognitive Process: How Can We Know What Really Happens? In: *Tapping and Mapping the Processes of Translating and Interpreting*. Tirkkonen-Condit S., Jääskeläinen R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 3–16.
- Thagard 2005 — Thagard P. *Mind: Introduction to Cognitive Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 280 p.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2018 г.
Статья рекомендована в печать 28 октября 2018 г.

Tsyndyma Lvovna Budaeva

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov,
24a, ul. Smolina, Ulan-Ude, 670000, Russia
budaeva_21@mail.ru

Psycholinguistic model of salience translation applied to paremia (on the example of Buryat-English correlations)

For citation: Budaeva T. L. Psycholinguistic model of salience translation applied to paremia (on the example of Buryat-English correlations). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (2): 160–171. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.201> (In Russian)

The article depicts the translation process in intercultural communication within a psycholinguistic approach, namely the model of salience translation developed by P. P. Dashinimaeva (2010, 2017a). According to this model, mental and speech stages occur as separate and asymmetric activation processes. This extends the stage of the original salience decoding, which includes three receptive versions of salience: natural salience-1, artificial version of salience-1 (of the addresser), and a version of salience-2 (of the addressee). The author applies the model to the translation of paremic units, which are classified as difficult-to-translate. Buryat-English correlations are used for the analysis. At the first stage of decoding, perception of the proverb evokes involuntary associations and images in the author's mind that come out of his personal experience. At the next stage, the author "suppresses" these images and identifies the proverb's didactic value, analyzing Buryat traditional values. At the last stage, he makes a pragmatic adaptation of the addresser's version to the addressee's, predicting the communicative effect. After analyzing the English behavior in different communicative situations, the author seeks English correlates with similar didactic value. The author then compares metaphorical images and ways of describing the situation in Buryat-English correlates and finally chooses the most appropriate English variant. In conclusion, the author provides several arguments that illustrate the reasonableness of using this model for the translation of paremic units.

Keywords: psycholinguistic model of salience translation, Buryat-English correlations, paremia, prescription.

References

- Гарбовский 2004 — Garbovskii N. K. *Translation Theory*. Moscow: Moscow State University Press, 2004. 544 p. (In Russian)
- Дашинимаева, Жанаев 2014 — Dashinimaeva P. P., Zhanaev A. T. *Synthesis of Theory and Practice of Translation. Proverbs in Buryat, Russian and English*. Ulan-Ude: Buryat State University Press, 2014. 73 p. (In Russian)
- Комиссаров 1990 — Komissarov V. N. *Translation Theory (Linguistic Aspects)*. Moscow: Higher School Publ., 1990. 253 p. (In Russian)
- Комиссаров 2002 — Komissarov V. N. *Modern Translation Studies*. Moscow: ETS Publ., 2002. 424 p. (In Russian)

- Леонтьев 2005 — Leont'ev A. A. *The Foundations of Psycholinguistics*. Moscow: Smysl Publ.; Akademiia Publ., 2005. 288 p. (In Russian)
- Сорокин 2000 — Sorokin Iu. A. Interpretative or Activity Translation Theory?. In: *Iazykovoie soznanie i obraz mira*. Ufimtseva N. V. (ed.). Moscow: Linguistics Institute, Russian Academy of Sciences, 2000. [Electronic resource]. URL: http://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/0-0.html (access date: 10.10.2018). (In Russian)
- Стефаненко 2007 — Stefanenko T. G. *Ethnopsychology*. Moscow: Aspekt Press, 2007. 368 p. (In Russian)
- Фесенко 2002 — Fesenko T. A. *The Specificity of the National Cultural Space in the Translation Mirror*. Tambov: Tambov State University Press, 2002. 228 p. (In Russian)
- Швейцер 1988 — Shveitser A. D. *Translation Theory: Status, Problems, Aspects*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 215 p. (In Russian)
- Fox 2004 — Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.
- Gaia 2006 — Gaia B. Translating Idioms and Buzzwords. *ProZ.com Translation Article Knowledgebase*. [Electronic resource]. 2006. URL: <https://www.proz.com/translation-articles/articles/743/> (Access date: 11.10.2018).
- Hall 1976 — Hall E. T. *Beyond Culture*. NY: Anchor Press, 1976. 256 p.
- Jaskot 2016 — Jaskot M. P. Equivalent Culture-Anchored Units Translation? The Phraseological Units Issue. *Cognitive Studies*. 2016: 57–64.
- Leivada, Grohmann 2014 — Leivada E., Grohmann K. Clitics in Idioms: Properties of Morphosyntax and Reference. *Lingua*. 2014: 45–70.
- Plaza — Plaza S. M. English & Spanish Phraseology: A Translation and Lexicographic Perspective. *Verbeia. Journal of English and Spanish studies*, 0: 119–138. URL: https://www.ucjc.edu/wp-content/uploads/8_Silvia-Molina-Plaza.pdf (access date: 12.10.2018).
- Shlesinger 2000 — Shlesinger M. Interpreting as a Cognitive Process: How Can We Know What Really Happens? In: *Tapping and Mapping the Processes of Translating and Interpreting*. Tirkkonen-Condit S., Jääskeläinen R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2000. P. 3–16.
- Thagard 2005 — Thagard P. *Mind: Introduction to Cognitive Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 280 p.

Received: March 5, 2018
Accepted: October 28, 2018